

Вдалъ: въ странѣ, людми забвено.
 Исплыть мой пракъ непогребеної,
 Но злобный карло перенесь
 Меня въ сей край уединеної,
 Гдѣ вѣчно долженъ быль спереть
 Тобой сего дня взятый мечъ.
 О вишня! шы хранимъ судьбою
 Возьми его, и Богъ съ тобою!
 Бышъ можешъ, на своемъ пути
 Ты карла чародѣя ветрѣтишь,
 Ахъ! если жъ шы его замѣтишь
 Коварству, злобѣ отомсши!
 И наконецъ я счастливъ буду,
 Спокойно міръ оставлю сей,
 И въ благодарности моей
 Твою пощечину забуду.“

А. Пушкин.

3.

Изъ Кавказскаго Планина;

. . . Европейца все внимание
 Народъ сей чудный привлекалъ.
 Межъ Горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
 Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
 Любилъ ихъ жизни прошлошу,
 Гостепріимство, жажду брачи,
 Движеній вольныхъ быстрошу,
 И легкость ногъ, и силу длані;
 Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
 Какъ иногда Черкесъ проворной,
 Широкой сшѣью, по горамъ,
 Въ космашой шапкѣ, въ буркѣ черкѣ,
 Къ лукѣ склонясь, на стремена
 Ногою стройной опиралсь,
 Лешалъ по волѣ скакуна,
 Къ войнѣ заранѣ пріучалсь.
 Онъ любовался красошой
 Одежды бранной и простой.
 Черкесъ оружіемъ обвѣщенъ;
 Онъ имъ гордится, имъ ушѣшень;
 На немъ броня, пищаль, колчанъ,
 Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,

И шашка, вѣчная подруга
 Его трудовѣ, его досуга.
 Ничто его не пяготитъ,
 Ничто не брякнешь: пѣшій, конный —
 Все топъ же онъ; все топъ же видъ
 Непобѣдимый, непреклонный.
 Гроза безпечныхъ казаковъ,
 Его богаство — конь решивый,
 Пишомецъ горскихъ шабуновъ;
 Товарищъ вѣрный, шерпѣливый.
 Въ пещерѣ иль травѣ глухой
 Коварный хищникъ съ нимъ таицся,
 И вдругъ, внезапною спрѣлой,
 Завидя пушника, спремится;
 Въ одно мгновеніе вѣрный бой
 Рѣшишъ ударъ его могучій,
 И странника въ ущелья горъ
 Уже влечешъ арканъ лепучій.
 Спреміцся конь во весь опоръ,
 Исполненъ огненной ошваги;
 Все путь ему: болошо, боръ,
 Кусши, ущесы и овраги;
 Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
 Въ пусшынѣ топоинѣ раздаєтъ;
 Сѣдой пошокъ предъ нимъ шумитъ —
 Онъ въ глубь кипящую несется;
 И пушникъ, брошенный ко дну,
 Глошаешь мушную волну,
 Изнемогая, смерти просишъ
 И зришъ ее передъ собой . . .
 Но мощный конь его — спрѣлой
 На берегъ пѣнистый выноситъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,
 Въ рѣку низверженный грозою,
 Когда на холмахъ пеленою
 Лежицъ безлуної ночи шѣнь,
 Черкесъ на корни вѣковые,
 На вѣшви вѣщаешь кругомъ
 Свои доспѣхи боевые,
 Щишъ, бурку, панцырь и шеломъ,
 Колчанъ и лукъ — и въ бысшры волны
 За нимъ бросаешь попомъ;
 Неушибимый ч безмолвныи,
 Глухая ночь. Рѣка реветъ;
 Могучій шокъ его несешь

Вдоль береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на бурганахъ возвышенныхъ,
 Склоняясь на копья, казаки
 Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
 И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
 Плынетъ оружіе злодѣя . . .
 О чёмъ ты думаешьъ, казакъ?
 Воспоминаешь прежни битвы,
 На смертномъ полѣ свой бивакъ,
 Полковъ хвалебный молитвы
 И родину? .. Коварный сонъ!
 Проспите, вольные спаницы,
 И домъ ошцовъ, и тихій Донъ,
 Война и красная дѣвицы!
 Къ брегамъ причалилъ пайный врагъ,
 Стрѣла выходишъ изъ колчана —
 Взвилась — и падаешь казакъ
 Съ окровавленного кургана.

Когда же съ мирною семью
 Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
 Сидитъ неизспиою порой
 И плѣюшъ угли въ печелищѣ;
 И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
 Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
 Къ нему войдешъ пришелецъ усталый
 И робко сядешъ у огня:
 Тогда хозяинъ благосклонной
 Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ,
 И гостю въ чашѣ благовонной
 Чихирь отрадный подаетъ.
 Подъ влажной буркой, въ сакѣ дымной,
 Вкушаешь пушникъ мирный сонъ,
 И упромъ оставляешь онъ
 Ночлега кровь гостепріимной.

Бывало въ свѣтлый Баиранъ
 Сбруя юноши шолпою;
 Игра смѣяется игрою:
 То полный разобравъ колчанъ,
 Они крылатыми спрѣлами
 Произаютъ въ облакахъ орловъ;
 То съ высоты крутыхъ холмовъ
 Нетерпѣливыми рядами,
 При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
 Какъ лави землю поражаютъ,

Равнину пылью покрывають
И съ дружнымъ шорошомъ бѣгушъ.

Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часпо игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ лепяще главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещущъ.

А. Пушкинъ.

4.

Изъ Цыганъ.

Цыганы шумною полпой
По Бессарабіи кочующъ.
Они сего дня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночующъ.
Какъ вольность, веселье ихъ почлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами щелѣгъ,
Полу-завѣшанныхъ коврамъ,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Гошовиши ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасущся кони; за шатромъ
Ручной медведь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныхъ семей,
Гошовыхъ съ упромъ въ путь недалъній,
И пѣсни женъ и брикъ дѣлай
И звонъ походной цивильни.
Но вотъ на шабрѣ кочевой
Нисходишь сонное мочанье,
И слышно въ пинчинѣ степной
Лишь дай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сияетъ
Одна съ небесной вышинѣ
И тихій тaborъ озаряетъ.
Въ шатре одномъ старикъ не спишъ;